

ИГОРЬ ГАЛЕЕВ

Лень, алчность и понты

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

**ОПАСНАЯ
ОНА**

Игорь Галеев

**Лень, алчность и понты.
Мистический детектив**

«Издательские решения»

Галеев И.

Лень, алчность и понты. Мистический детектив / И. Галеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966025-1

Случайно археолог Афанасий Никитин оказывается свидетелем убийств, а затем и обладателем невероятного клада — большой суммы денег и древних рукописей. За этими бумагами охотятся следственные органы, криминальные авторитеты, тайная секта, западные спецслужбы... Есть подозрение, что это часть библиотеки Иоанна Грозного. Но так ли это? Ибо на некоторых бумагах стали самопроявляться и исчезать тексты, а те, кто имел с ними дело, ведут себя, мягко говоря, странно...

ISBN 978-5-44-966025-1

© Галеев И.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	27
«Женщина – самое красивое животное»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лень, алчность и понты Мистический детектив

Игорь Галеев

© Игорь Галеев, 2019

ISBN 978-5-4496-6025-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СУНДУК МЕРТВЕЦА

Глава первая

в которой рассказано, как обедневший
Афанасий Никитин захотел простой жизни,
как он поссорился с женой, как стал невольным
свидетелем убийства и как нашел сокровища и
выкопал их из Земли нашей.

В будний июньский день Афанасий Никитин отправился за город. Поехал он безо всякой цели. Сел на вокзале в электричку и стал смотреть в окно.

Электричка дёрнулась и покатила.

Вокруг были звёзды, под вагонами планета Земля, на ней росли деревья и травы, стояли дома, всюду двигались люди, животные и ползали и летали насекомые и птицы. Над Землей клубились тучи и облака, а на Южном и Северном полюсах в воде плавали всяческие куски льда.

Живые организмы добывали себе пищу и поедали ее. Одновременно то тут, то там люди убивали друг друга разными способами, хоронили мертвых и рожали новые организмы, называемые младенцами. А звери производили зверенышей.

Афанасий не видел звезд, потому что эту часть Земли осветила звезда Солнце, и создавалась иллюзия, будто других звезд вообще нет, но на самом деле они всё так же незримо присутствовали во всей своей чудовищной массе, со всеми своими тяжеловесными законами – там, в бесконечном мраке и в таком же бесконечном ослепительном свете...

Афанасий считал себя неудачником. Империя приказала долго жить, когда ему было 28 лет. В тот год он защитил кандидатскую, но ему не нашлось места на кафедре и он попал под сокращение.

Вначале это его не смутило. В Москве в те годы только жутко ленивый или слишком принципиальный не смог бы заработать деньги. Перепродавалось всё – со стопроцентной прибылью. Покупали любую импортную дрянь, ибо советский народ, этот исторический феноменальный гомункул, наконец получил вожденную возможность удовлетворять свои бесконечные бытовые потребности.

Вот и Афанасия втянуло в этот купли-продажный водоворот. Жена Ирина сидела с двумя детьми, варила обеды и ужины, обрастала тряпками и бытовыми приборами, а Афанасий таскал баулы и «сливал» вместе с компаньонами товар, купленный в нерушимом имперском Китае.

Денег хватало. Но мало кто из вчерашних «совков» понимал цену денег и вообще – что с ними делать. Прибыль вновь вкладывалась в товар, долларов становилось все больше, товара на рынках также, и новоиспеченные купцы стали «залетать». Привезли на 30 тысяч долларов кофточек, а их на рынках пруд-пруди и по цене, китайской, закупочной. Половина брака. Так почти все эти тридцать тысяч и сгнили в подвале. Занялись сигаретами, приехали на фирму, а там сволочи с автоматами – деньги забрали, и на другой день никакой фирмы. Обычные истории.

Было время, когда Афанасий имел на руках 50 тысяч долларов, мог выйти из этого круговорота с ними и хотя бы прожить безбедно несколько лет. Но кто тогда знал цену этим долларам? Была какая-то дьявольская азартная игра в бумажки, в накопление фантиков, а не денег.

Тысячи людей имели в руках состояние, и в одно мгновение теряли его – кто вкладывая в банки, кто «залетая» с товаром, кто натыкался на «кидал» или бандитов, кого-то «подставляли» компаньоны. И вновь начинали с нуля, и вновь обогащались и оставались ни с чем, с ностальгией вспоминая о той синице, что в руках трепыхалась.

Постепенно страна наводнилась разнообразным барахлом, не всё теперь можно было продать. Стихийные рынки прибрали к рукам соотечественники с крепкими мышцами и утвердили свой, «справедливый», порядок. Теперь «купцы» поумнели. А для Афанасия и его компаньонов поезд ушел. Заняли денег, вовремя не вернули, и должников «поставили на счётчик». Один компаньон бросился в бега, пришлось вдвоем отдуваться, продавать машины, гаражи и возвращаться к разбитому корыту. Компаньон Афанасия запил, отключился от финансовых проблем и в принципе чувствовал себя неплохо, освободившись от назойливого вопроса: что делать с деньгами?

Афанасий попробовал угнаться за товарищем, но его настойчиво рвало, да и семью нужно было кормить, вот он и нанялся продавцом к своему же бывшему продавцу, награвшемуся на его же миллионах и усердно складывающему рубль к рублю, такому трудолику, каких и свет не видывал.

Время азартных рыночных игроков кануло в Российскую историю. Наступила эпоха жёстких счетоводов. На рынках остался особый сорт людей, выносливых и неистребимых, ничего не производящих и не по своей воле вытесненных из привычных жизненных устоев.

Работа на рынке Афанасия достала. Он все чаще вспоминал археологические экспедиции на Алтай и все больше тяготился своим неопределённым положением. Он уже без улыбки смотрел на своих детей, воспринимая их и жену как коварную неизбежность, как ловушку, тупо ограничивающую его свободное существование.

Нет, он никого не винил, разве что человечество в целом – тупоголовое в своей массе, так и не нашедшее более-менее нормального способа общежития. Происходящее в стране он уподоблял войне, такому положению, когда индивидуальные устремления ничего не значат, когда есть только общественная государственная цель – выжить и разгромить. Вот только некого было громить, а нужно только выжить. И большая часть населения страны живет по-собачьи – не зная, будут они завтра сыты и куда их погонят. И уже даже самые тупоголовые знали, что страной управляют воры и бандиты.

«Да и пусть бы, – полагал Афанасий, – так везде и всюду. Пусть хоть все украдут, только бы побыстрее».

Да, тяжело жить во времена крушения империи, или как сказал умный китаец – в эпоху великих перемен. Но в том то и дело, что перемены не особо великие, меняется всего лишь шило на мыло, одни бандиты на других, одна бездарность на другую. И все это прекрасно понимают, даже самые тупоголовые.

Афанасий катил в электричке, смотрел на заборы, исписанные клиническими призывами, на загаженные лесочки, на бесконечные убогие гаражи – если центр Москвы – это физиономия, то ее железнодорожные окраины – задница, а сами вокзалы – жадная зубастая пасть.

Афанасий родился в Москве, он ее и любил и ненавидел. Любил, потому что многие места связаны с детскими чувствами, с юношескими устремлениями, со многими лицами и судьбами. Прожиты тысячи всяких дней и вечеров, пережита уйма ощущений. «Ненавидел» не то слово. Можно ли ненавидеть дерево или дом? Хотя, наверное, можно. Ненавидят же люди и самих

себя и даже плохую погоду. Он презирал «Москву-столицу», всю ее фальшивость, продажность, политическую гниль, паразитическое обжорство...

После финансового краха, он еще с полгода подстегивал себя призывом:

«Нужно что-то делать! Нужно действовать, активничать, приспособливаться к новым реалиям!»

А потом ему стало противно. Вот именно – «приспособливаться» – как какой-то таракан – сегодня дустом, завтра дихлофосом – выживает самый тупой. Столько на Земле было племен и государств, столько разных общественных устройств – такая гигантская почва для осмысления, а тут – стой на рынке в этом людском потоке, давай тряпки, бери деньги, как будто именно для этого ты явился на этот белый свет.

«Бывали времена и похуже», – утешал себя Афанасий, отгоняя мысли о бренности бытия и своей неудачливой судьбе.

Сегодня он поругался с женой, да так, что ему разом захотелось переменить всю свою жизнь, пойти, куда глаза глядят, забраться в какую-нибудь таежную глушь и жить охотой, рыбалкой и хозяйством, без всей этой толчеи и погони за благосостоянием. Или уехать в какую-нибудь экспедицию, ковыряться в земле, чтобы попытаться понять далекое прошлое, и плевать бы по мере возможности на проблемы настоящего.

Афанасий не обратил внимания, что в вагон вошли контролеры. Билет он не купил, и денег на штраф не было. Его вывели в тамбур и долго пугали милицией, пока он не вывернул все карманы. Тогда его высадили на какую-то дачную платформу.

Справа от дороги были разбросаны дачные участки, а слева простиралось картофельное поле, окруженное лесом. Афанасий и пошел в этот лес с одним желанием – никого не видеть. Уже темнело, когда он действительно забрел в глухое место – в старый ельник – таинственный в наступающих сумерках.

Нужно было либо возвращаться, либо идти вперед, но эта дилемма решилась вдруг сама собой. Афанасий вышел к небольшому водоему, на берегу которого стоял шалаш. Заглянув вовнутрь, он обнаружил настил из еловых ветвей, старое зимнее пальто и еще какие-то ветхие тряпки.

«Пусть помучается неизвестностью», – подумал о жене Афанасий, решив переночевать в этом пустынном, как ему казалось, месте.

В шалаше он обнаружил чайник, чай в банке, кружки, соль и сахар, спички и небольшой топорик. Но разжигать костер не стал, а решил осмотреть окрестности и скоро вышел на лесную дорогу.

«Вот по ней завтра и выйду куда-нибудь», – решил он и еще долго сидел на краю водоема, бросая в него камешки и ни о чем особенном не размышляя.

Скоро совсем стемнело и Афанасий забрался в шалаш. Он долго не мог заснуть, а когда наконец забылся, ему всё чудились вздохи и шаги, шарканья и треск. С испугом он просыпался, вслушивался и вновь забывался на короткое время, чтобы увидеть неожиданные загадочные сны. Один из них он запомнил очень отчетливо.

Будто встретился он на берегу этого водоема со всеми теми знакомыми и друзьями, которые уже умерли. И с каждым говорил так, как будто расстался только вчера. Он увидел своего однокурсника, о котором и не вспомнил бы наяву.

«Болеет долго, – рассмеялся тот, – очень долго, заживо гни!»

И так же, весело смеясь, превращался в одну из давних знакомых, с которой Афанасий познавал азы секса.

«Пойдем, пойдем» – тянула она его в ельник, и вот уже ее тело обнажено, и страстные судороги испытывает Афанасий...

«Проклятая эрекция! – проснувшись, чертыхается он. – Но неужели *он* и *она* умерли? Проверить бы»...

Так, толком и не выспавшись, он выполз из шалаша.

Над водою стоял густой туман, вся местность выглядела сиротливой и одинокой. Было так тихо, что и кашлянуть боязно: вдруг эта тишина расколется как огромное запотевшее зеркало?

Афанасий вышел на дорогу и быстро зашагал по ней, приготовившись к длительному лесному броску. Каково же было его удивление, когда спустя пять минут он вышел на окраину огромного поля. И тотчас он услышал голоса.

Повинуясь древнему инстинкту, он вновь зашел в лес и стал подкрадываться к говорившим.

Они стояли возле двух роскошных машин. Их было пятеро и одна из них, женщина, говорила властно и сердито:

– Я сказала: обойдите еще раз! Загляните под каждое дерево. Всё проверьте!

– Да мы же все дороги перекрыли, везде наши ребята с вечера стоят, всю ночь дежурили. Чего ты, Сергеевна, мандражируешь? Все будет тип-топ!

Эти слова произнес здоровяк в кожаном плаще, он еще не договорил «тип-топ», когда Сергеевна разразилась такой жуткой бранью, что Афанасию показалось, что у деревьев листья увяли.

– Полчаса вам даю! – закончила она, – и попробуй, Годик, еще только открой свою гнилую пасть!

Здоровяк Годик был явно подавлен.

– Извини, – попросил он, – сейчас всё сделаем. Ты – туда, ты сюда, а я в ту сторону.

Афанасий понял, что стал свидетелем чего-то скрытного, компания собралась явно крутая, но весь ужас своего положения он осознал, когда увидел, как в руках у Годика очутился широко известный во всем мире автомат господина Калашникова. И с этим автоматом Годик направился в его сторону – быстрым и роковым шагом.

«Это конец!» – ясно понял Афанасий.

Бежать было немыслимо, оставалось только лечь под еловую ветвь, опустившуюся к самой земле. Эта ветка и спасла ему жизнь.

Впрочем, и Годик не особенно усердствовал – отойдя на невидимое расстояние, он закурил, присел на корточки и стал вымещать свою злость на построении мстительных жестоких планов.

А Афанасий продолжал слушать, но уже не видеть оставшихся у машин.

– Чего ты нервничаешь? Возьми себя в руки, ты же умница.

– Ты думаешь это так легко – в первый раз?

– А я что – не в первый? Ты же знаешь – что они дерьмо!

– Сереженька, я подумала – может, обойдемся без этого, или потом я заплачу, другие сделают?

– Ну ты что? Это они нас сделают! Ты же сама всё продумала. Они же все на пределе, они только момента ждут!

– Тише ты, меня что-то знобит.

– Возьми вот, глотни, ты же у меня сильная, Леночка, ты сможешь.

– Я смогу, Сережа. Это же как на охоте, и все они звери больные, но хитрые и опасные. Я так тебя люблю, Сережа. Быстрее бы.

– Ты сама им полчаса дала, иди, подождем в машине.

Хлопнула дверца машины.

Афанасий боялся дышать. Ужас осознания *конца* затянулся. Этот Годик будет возвращаться и заглянет под елку, и прострелит ему, Афанасию, череп из автомата этого идиота-господина Калашникова – именно его Афанасий ненавидел в эти минуты смиренного ожидания.

«Они еще любят друг друга, – чуть было не застонал он. – А может быть выйти и сказать – я ничего не знаю, ничего не видел, но слышал, что вы кого-то ищете, любите на здоровье друг друга, природу, зверей и людей, удачи вам и до свидания. Тут они меня и зарюют. Но почему? Ведь если они меня убьют, я даже не узнаю – за что?»

Афанасию стало себя очень жаль. И ему вдруг в голову пришла гениальная мысль: *мозг человека содержит в себе всю память об истории человечества и, если не о жизни всех и каждого, то об истории возникновения человека и его первых шагах информация есть у всякого. И если снимать слой за слоем, как при раскопках, то откроется величайшая земная тайна, и всё станет ясно-ясно, очевидно-преочевидно...*

Афанасий даже уловил, как нужно снимать слой за слоем, и теперь он глубоко презирал свою депрессию и все банальные проблемы, и деньги, и машины, и дачи, и отели и виллы, всю эту свинскую бузную, опутывающую свободное назначение человеческой жизни.

«Только бы возвратиться, всё было бы иначе. Сейчас я словно проснулся, и могу многое сделать, мне интересно, я любопытен, я знаю, что делать!» – отчаянно кричало его сознание.

В это же время Годик прошел в пяти шагах от него, остановился и тихо свистнул, ему ответили еще два свистуна, хлопнула дверца машины.

– Всё проверили?

– Всё тихо, Сергеевна! – доложил Годик, и Афанасий понял, что на планете Земля ему еще предстоит пожить энное количество времени.

– Ну, давайте, несите! Сережа, положи автоматы в машину. Лопаты берите.

Афанасий съёжился еще больше: «**Неужели они закапывают трупы?**»

Да, что-то явно волочили от машин по земле, и, видимо, ямы были вырыты заранее, потому что скоро стало слышно, как сбрасывают землю лопатами, а потом таскали ветки и скрывали ими следы. Афанасий этого уже не слышал.

«Есть хочу, яичницу с колбасой. Есть хочу!» – крутилось в его сознании.

Он уже знать не хотел, что рядом какие-то ублюдки с оружием кого-то закапывают. Ему очень хотелось, чтобы вся эта история оказалась обычным поганым сном.

Его отрезвили какие-то хлесткие глухие звуки, потом вскрик и какой-то невыносимо ядовитый мат Годика:

– А-а, суки! – рычал тот, – волки поганые!..

– Ну, что же ты! – это голос женщины. – Сережа!

Вновь раздались глухие хлопки: один, через мгновение еще два, потом Сергей сказал хрипло:

– Готов, скотина!

– Ты уверен? – голос женщины дрожал.

– Помоги мне!

Дальше всё происходило без слов, опять что-то таскали, хлопали дверцы, потом одна машина отъехала и как раз в ту сторону, откуда пришел Афанасий.

А он уже понял, что женщина осталась одна, стоит и курит сигарету с ментолом, и тело ее дрожит, но постепенно волнение проходит, и она лишь в напряжении ждет возвращения своего любимого Сережи.

«Запомнить номер машины!» – приходит Афанасию неожиданная героическая мысль.

Руки-ноги у него занемели, но, морщась от боли, он изгибается и приподнимает голову так, чтобы увидеть машину. Но номера не разглядеть – это черный «мерседес» с темными стеклами – таких тысячи. Он даже женщину не узнал бы, если бы и встретил. Вот разве голос...

Наконец появляется и Сережа. Они целуются, он в джинсовом костюме – светло-синем, немного седины в волосах, хотя, может быть, это уже отблески от солнца, которое показалось над верхушками деревьев – лица не разглядеть, но повадки не жлобские, несколько нервен, движения рук плавные, даже нежные. Подтянут, широколоб, лет сорока пяти.

Все эти особенности и обычности Афанасий отмечал уже в каком-то азарте, понимая, что сейчас всё закончится, и эти двое – Сергеевна с Сережей – укатят, а он останется живым и невредимым.

И они действительно уезжали, мужчина перед тем, как закрыть дверцу, похлопал ботинок о ботинок, «мерседес» газанул и сходу рванул вдоль поля.

Афанасий откинулся на спину, и его лицо сморщилось до неузнаваемости, и слезы потекли, а он смеялся и плакал одновременно.

«Всё будет по другому, – повторял он, – всё будет о кей!»

Потом смело вышел на поляну и увидел кучу хвороста. Трава была примята, но кому могло придти в голову, что здесь что-то закапывали?

Он не решился отправиться по дороге вслед за «мерседесом», благоразумно подумав, что какие-нибудь сообщники могут следить еще какое-то время за этой местностью. Маловероятно, но всё же.

Он возвращался знакомым путем к водоему, когда вдруг впереди раздался глухой взрыв. Потрясения продолжались!

И вновь он крался по лесу, пока не увидел черный дым – это горела вторая иномарка, дым поднимался столбом, внутри машины что-то страшно шипело и лопалось. Паленый и тошнотный запах стоял всюду. А у шалаша лежало что-то черное.

Афанасий приблизился и увидел труп Годика – в плаще, с окровавленной головой, вяло сжимающий пальцами рукоятку автомата господина Калашникова. По-видимому, внутри машины шипели и плавились два тела, и кто теперь не поверит, что здесь произошла банальная бандитская разборка?

К вечеру Афанасий добрался до дома, где его ждали вкусный борщ, котлеты, жена Ирина и Наташка с Катюшкой.

Ночью с Ириной был яростный секс – стрессовые ситуации даром не проходят, хочется вцепиться зубами в эти дармовые ощущения, дабы почувствовать, что ты еще живой. Такое же бывало у Афанасия с жуткого похмелья – организм хватался за последнюю возможность связаться с биологической жизнью, ибо все остальные желания гасли напрочь.

Заявлять о случившемся Афанасий не стал, и неделю вообще никому ничего не рассказывал. Но потом проболтался за выпивкой своему приятелю Мишке.

– Забудь, Афоня. Тут куча трупов, дело дерзкое, считай, что заново родился. – Мишка имел одноклассников в бандитских кругах, да и сам чёрти чем занимался. – Больше никому не говори, и туда не ходи.

– А с чего я туда попрусь?

– Ну, тебе же интересно, что они там закопали?

– Трупы, конечно. Чего же еще?

– Ты видел?

– Нет.

– Стали бы они закапывать, если этих жмуриков подожгли в открытую.

– А что же они закопали?

Мишка пожал плечами:

– А, может, и трупы, или всё же что-то ценное. По логике – они из-за этого тех и убили. Может, наркота или оружие, а может и кассу зарыли. Но ты не суйся... один. Хотя, скорее всего, если это что-то ценное, то они уже перепрытали.

– Будут они по десять раз таскать и копать.

– Будут, если того стоит. Место-то помнишь?

Мишка принес карту области, и они приблизительно определили место. Ни водоема, ни полей обозначено не было.

– Подъехать можно отсюда, – показал Мишка. – Но ты не суйся. Интересно, конечно, что там может быть, но больно рискованно.

– Кто не рискует, тот... – ляпнул хмельной Афанасий, и потом долго жалел об этом.

– Лучше иметь геморрой в жопе, чем дырку в черепе, – сказал свою любимую присказку Мишка, но сказал как-то не очень твердо.

И в этот же день Афанасий понял, что лопухнулся. Он ведь практически показал Мишке место – про водоем тот знает, а по дороге от водоема минут пять ходьбы, и про поле знает, про поляну и кучу хвороста тоже, на карте место обозначили, что еще надо? Выезжай туда – и найдешь. А Мишка своего не упустит – проверит уж точно, несмотря ни на геморрой, ни на дырку в черепе.

И Афанасий быстро снарядился в экспедицию, взял фонарик, веревку, карту, термос с чаем, два столовых ножа, топор, кусачки, молоток, две лопаты, оделся во все дачно-огородное и в пять часов того же дня выкатил из гаража на машине тестя. Ездил он на ней по доверенности – в любое время, у тестя было плохое зрение, и машиной он не пользовался. Да и Афанасий ей пользовался редко – был этот «жигуленок» чиненный-перечиненный, что хоть сейчас его на свалку.

Поплутав у какой-то деревушки, а потом заехав в лесной тупик, Афанасий остановился и задал себе вопрос: «Что я делаю?» И стал размышлять:

«Бандиты убили троих. Возможно закопали еще нескольких. Даже если там клад, что я с ним буду делать? Хотя деньги не помешали бы, взял бы часть. А если наркотики? Нужно опять закопать или заявить? Менты все купленные, меня потом мигом вычислят и отомстят».

Он решил не связываться. Выбрался на шоссе и направился домой. Но через полкилометра увидел еловый массив и дорожку к нему, петляющую вдоль поля. Руки как-то сами собой повернули руль влево, и Афанасий понял, что это судьба, он уже не сомневался, что это то самое место.

Подъехал к поляне он уже в сумерках, но не притормозил, а лишь отметил взглядом – куча хвороста на месте. У водоема он остановился. Ни сгоревшей машины, ни шалаша. На месте шалаша холодные угли.

«Рвать надо отсюда», – подумал он, вспомнив выпяченные глаза окровавленного Годика.

И никак ему не входило в голову: как среди этих невинных лесов и полей, на этой загадочно появившейся во вселенной Земле могут шляться какие-то одетые в шмотки существа и лишать друг друга зверскими способами жизни ради тех же шмоток и тех же килограммов вкусной еды?

«Человек болен, а цивилизация – это смертельная болезнь».

И ему вновь захотелось забраться в глушь, подальше от Москвы, где можно жить обычной земной жизнью.

«Продам квартиру, и будут деньги на переезд и устройство», – думал он, а сам уже предусмотрительно загнал машину за поворот в кусты, вылез и достал из багажника лопату, топор и фонарик.

Теперь он всё делал механически: отбросил хворост, увидел чуть осевшую землю, определил квадрат и стал быстро копать, осторожно втыкая лопату в землю.

Солнце уже почти зашло, когда он зацепил что-то лопатой и увидел кусок целлофана.

«Трупы!» – ужаснулся он.

Ковырнул еще, и железо лопаты звякнуло обо что-то твердое. Осторожно, снимая слой за слоем и разорвав целлофан, он добрался до этого непонятного «что-то» – и увидел сундук.

Настоящий антикварный сундук, окованный железом и с металлической ручкой наверху. Но мало того, рядом с сундуком лопата воткнулась в мягкое, что оказалось большим непромокаемым мешком, черным, как смола.

«Ни дать – ни взять – пиратский клад!»

И Афанасий с азартом стал выдергивать мешок. Это ему удалось.

В нетерпении он всадил нож в черный бок и распорол его, словно брюхо животного.

Всё, что угодно, он ожидал увидеть, но только не такое: это были аккуратные прямоугольные пачечки долларов, каждая завернута в целлофан.

Боясь зажигать фонарик, Афанасий вытащил и распотрошил одну – сто долларовые купюры!

«Сколько же их здесь?!» – он так и не понял – вслух он воскликнул или про себя, но зато понял, что дрожит абсолютно всем телом.

В голове у него все поплыло: и деревья, и небо, и темный лес, и яма, и мешок. Он никак не мог сосредоточиться и ничего не предпринимал минуты две. Просто притулился к краю ямы и обессилел.

Но скоро инстинкт будто прошептал где-то внутри его: «сматывайся скорее!»

И тогда Афанасий заметался: он выдернул из ямы мешок и помчался с ним к машине, не чувствуя тяжести, закинул свою находку на заднее сиденье, схватил кусачки и молоток – и снова к яме.

На земле он увидел несколько выпавших из мешка пачек, но решил их подобрать позже. Он сразу осознал, что сундук одному ему не извлечь, и что лучше его вскрыть в яме. Там и колотил он по нему, что есть мочи, прямо молотком по крышке и железу. Но это была бесконечная затея – вещь оказалась добротной и не помогал даже топор.

Тогда он снова принялся копать, временами останавливаясь и вслушиваясь в наступившую темноту.

С одного боку обнаружился висячий замок. Кусачками замочные петли взять нельзя, и тогда вновь застучал топор, высекая из железа искры.

Афанасий совершенно ополоумел, во что бы то ни стало решив добиться своего. Первобытный варвар и вандал проснулись в нем и завладели его воспаленным сознанием. Им было начихать, что звуки далеко разносятся, что сундук – антикварная редкость, что в любой момент у ямы может появиться кто угодно и запросто проломит голову. Одна лишь цель – добраться и заполучить – двигала варваром и вандалом. Они, словно два черта, прыгали и плясали внутри Афанасия, так же страстно и безумно, как тысячелетиями они громили и заполучали города и их богатства.

И ни одна здравая мысль не шептала уже внутри: беги, Афанасий, на твой век и того хватит!

Он бы лучше *всё отдал*, чем не добрался до содержимого сундука.

И добрался. Правда, сильно поранил палец, так, что всё заляпал кровью, и, когда открыл крышку, то был дико разочарован – ибо сверху лежали какие-то свитки и футляры, какие-то папки и просто листы.

Но зато на самом дне – мешочки с чем-то тяжеленьким. В одних оказалось золото – песок и самородочки, в других алмазы. Эти мешочки, завернув в целлофан, и подхватил Афанасий, потащил к машине, и только тут почувствовал, что кровь хлещет из раны.

Какой-то тряпкой он долго пытался сделать повязку. Весь в грязи, в крови, он повторял про себя, что всё будет тип-топ, что всё пустяки, и нужно лишь быстрее смотаться с этого чудесного «пиратского» места. Кровь остановилась сама собой, Афанасий побросал мешочки на переднее сиденье и сел в машину.

Почти мгновенно в его голове родился план: ехать с таким грузом в город нельзя, вдруг остановят, нужно все перепрятать, уже темно, лучше это сделать у водоема.

Так он и сделал. Несмотря на темень, ушел подальше от пруда в лес и закопал добычу, припорошил листвой следы и настрогал на деревьях маленькие отметины. У водоема отмылся, покурил, борясь с желанием пересчитать содержимое двух пачек, что оставил при себе.

Он уже перестал бояться, налил эдакой значимостью, почувствовал себя содержательным и достойным всего, что сумел совершить в этот вечер.

Он вспомнил, о забытых у ямы фонарике и инструментах, да и в принципе, решил забрать бумаги, что лежали в сундуке – может, они ценные – чего им пропадать.

Ему почему-то казалось, что за сундуком никто никогда не вернется – будто он действительно открыл клад каких-нибудь давно повешенных на реях пиратов.

Совершенно открыто он притормозил у ямы, перегрузил в салон бумаги и футляры и стал засыпать пустой сундук землей. На это ушло не так уж много времени, и скоро он уже выбирался на большую дорогу.

Подъехал он к повороту в тот момент, когда сюда же подкатил черный «мерседес» с тонированными стеклами. Афанасий еще подождал, когда тот проскочит, но «мерседес» притормозил и обозначил правый поворот.

«Вот те на! – обожгло Афанасия. – Неужели они?!»

«Мерседес» был чёрен и казался пустым. Афанасий нажал на газ и быстро выскочил на асфальт. «Гони!» – закричал ему животный страх, и правая нога до предела вдавила педаль.

В зеркальце он увидел, как «мерседес» скатился с шоссе и провалился во мглу.

Нужно было срочно свернуть, совершенно понятно, что его спокойно догонят, когда обнаружат, что клад был вырыт. Увидят следы от машины, комья земли...

«А где фонарик?! А я же не подобрал выпавшие пачки! Ах, придурок! А где топор?! Они могли запомнить номер машины!»

Афанасию стало плохо, в груди так сдавило, что он физически ощутил, как от этого давления вот-вот – и лопнет сердце.

Спасти его мог только перекресток. В Подмоскovie столько дорог, а здесь как назло ни одной. Да еще колымага еле тащится и не дай бог развалится от перегрузки. Афанасий выжал все, что мог.

Ну, вот и развилка. Он сходу ушел вправо, перескочил мост и скоро выехал в какой-то «спальный» район, где влился в поток машин, покругил вокруг домов и сориентировавшись стал пробираться к дому.

Развилка его спасла. Потому как через минуты три после Афанасия через нее со страшной скоростью пронесся черный «мерседес» – словно голодный хищник он мчался на Москву за своей упущенной добычей.

Глава вторая

повествующая о грандиозной
Луже, о любви Сергея Яковлевича и Елены,
об их злоключениях, о болтливом Михаиле
и о продолжающихся поисках клада.

Кто не был в Москве на стадионе «Лужники» в конце XX века, тот не в состоянии понять, какие перемены, какую революцию заполучила Россия.

На территории спортивного комплекса «Лужники» была открыта оптовая ярмарка, куда со всей страны съезжались за товаром мелкие торговцы – все эти обалдевшие от перемен тетки и дядьки, молодые и старики. То было поистине вавилонское столпотворение! Свободный рыночный хаос!

Наверное, сотню раз на Луже (как именовали этот рынок торговцы и покупатели) менялись порядки, формы торговли и методы взаимоотношений хозяев и торговцев рынка, пока, наконец, Лужа не превратилась в государство в государстве – со своими жесткими законами, со своей системой круговорота денег, со своей управленческой верхушкой и даже со своей армией.

Немало крови и слез было пролито, немало судеб перемолото, немало денег потрачено для того, чтобы появилось это новое государство.

Создатели его в тени, у них много имен, а если и есть одно-два лидирующих имени, то и они никогда не расскажут, какими методами строилось это богатейшее государство.

Никакие депутаты, никакой президент или даже сам городской голова не властны закрыть это чудо-чудное, диво-дивное.

Какая там демократия, какой правопорядок, какой закон, какие налоги – деньги! – вот что производит это государство и чем оно покупает всех и вся.

Трудно представить – сколько жадных ртов насосалось от этой бесконечно дойной коровы. Если собрать все прибыльные деньги, то спортивный комплекс целиком можно было вымостить булыжниками из чистого золота и еще бы осталось для золочения памятника некоему Ильичу, что взирает со своего постамента на людскую толчею, на мелкие радости и трагедии этих разноликих масс, совершающих перед ним глумливое действо.

«Когда-нибудь и этот Вавилон станет историей, и историки будут копаться в воспоминаниях очевидцев, создавая еще одну главу для эпопеи „Москва и москвичи“, а обо мне и не упомянут», – подумал Сергей Яковлевич Кандыбов, называемый своими ребятами ласково – Дыба.

Да и что ему там делать – в истории? Есть власть открытая – что всего лишь верхняя часть пирога власти, а есть самая сладкая, тайная власть, о коей история лишь догадывается. Весь мир знает Майкла Джексона – эту живую заводную игрушку, и что? – ну, войдет он в историю поющих клоунов, как Буратино в сознание малышей, – такая история смешна для Сергея Яковлевича. С некоторых пор он знает и другие истории, где власть может быть истинной, а не бутафорной.

Кандыбова можно было бы назвать бандитом, если бы это понятие в последние времена не претерпело трансформацию. Бандит – это член банды, которая занимается анти-законными делами, совершает преступления. Сергей Яковлевич свое отсидел, за мошенничество, семь лет. Потом работал начальником производства на мебельной фабрике. А когда империя рухнула, ушел в бизнес – торговал автоматами Калашникова, стал контролировать территорию, подобралась команда, группировка, как говорится. Потом начали вклиниваться в Лужу, претендовать на долю, пришлось и кулаками работать и пострелять, пока не утвердились. Отвоевали

кусок, и побежал ручеек денежек, и все довольны, если не считать мелких разборок с соседями по пирогу.

На Луже Сергей Яковлевич давно не был. А раньше, когда все начиналось, любил иногда окунуться в этот живой гигантский организм, как бы подпитывался этим «броуновским» движением, лично малейшие детали утверждал и планировал, пока всё не устоялось и не приняло размеренный и законный вид. Теперь всё команда делает, питается его умом и его стараниями.

Механизм налажен и тикает, ручеек течет, разветвляясь и соединяясь где надо и кому надо.

У Сергея Яковлевича, и помимо Лужи, дел хватает. Хозяйство большое, только успевай контролировать.

Но и в офисе его не увидишь, давно у него нет офиса, и всего несколько человек знают – где его найти, если вопрос без него не решается. Ушел в тень, даже многие члены команды не знают его в лицо, а только слышали, что есть некто Дыба – босс, и то неуверенны – есть ли? Зато он знает обо всех, на каждого к нему поступает досье, все данные в компьютере, до самых мелочей – о крупных покупках, о выездах на отдых и о любовницах. Периодически чистки проводятся, особенно в низших слоях – там ребята неимущие, энергичные, в лидеры постоянно рвутся, на все готовы пойти, лишь бы прибрать систему к своим рукам. Но не вырос еще такой умник, чтобы владеть системой, придет время, Сергей Яковлевич сам подберет кандидата.

И всё бы было, как есть, если бы не последние события, которые и заставили самого Дыбу вылезти на Лужу.

Познакомился он с женщиной, да такой, что прямо по нему, и она его полюбила как кошка.

Три месяца как в угаре провели, по всему миру, за руки держась, выгуливались. Чего только не вытворяли, такого от себя Сергей Яковлевич и не ожидал. Австралия, Сингапур, Сейшелы, Багамы, Рим, Париж, Лондон, Рио, всю Америку исколесили, на Северный Полюс слетали, со знаменитостями пьянствовали, так что под конец этого турне оба были выжаты, как лимоны, но так и не насытились друг другом.

Много женщин знал он, но тут живая, не купленная, любящая, свободная и самостоятельная – такой у него не было, все остальные неживые, просто – вещи, предметы, механизмы, трахальщицы, и, если умные, то всё равно в целом – дуры, и если любили, то как медузы – рыхло, склизко, по-бабьи, уже ничего вокруг не замечая. Нет, Лена была именно его половина, часть его тела – в чем, собственно, тоже свои сложности, как он скоро убедился.

У нее было свое дело, семья, муж, дочь. Занималась она перепродажей металлов, заняв место своего босса, расстрелянного в собственной машине.

Не робкого десятка, Лена напряженно конкурировала со всяческими фирмами, пытающимися перекрыть ей кислород, и несколько раз, как призналась ему, заказывала убийства. Женщины в таких вопросах решительнее мужчин, а в последние времена и более предприимчивые в бизнесе. Наверное, потому, полагал он, что меньше просчитывают наперед и не берут в расчет многочисленные детали. Пока мужик начнет внедрять свои идеи, пока преодолеет страхи, женщина эти идеи перехватит и воплотит. Такие времена настали. Женская мутация.

И всё бы было замечательно, не залезь Елена в какую-то странную историю.

Она ему подробности не рассказала, но и он не настаивал, знал только, что умыкнула она у кого-то мужика деловые бумаги.

«Им цены вообще нет, ты понимаешь?!» – объяснила она с такими глазами, что он понял – действительно нет.

И еще он понял, что, помимо всяческих российских мафиозных сетей, существует нечто настолько властное, о чем узнать практически невозможно, и куда пронырливая Елена угодила

по самые уши. Что эта **власть** какая-то всемирная и чуть ли не мистическая, и что она «захвачена» (так выразилась Елена) какими-то людьми, пытающимися эту **власть** использовать.

И вот он, Дыба, солидный авторитетный человек, поверил ей полностью, хотя более, чем выше сказано, не понял. Она поделилась с ним всем этим после того, как ночью прогремел взрыв в ее офисе, ей позвонили и велели отдать бумаги и срок назначили: два дня.

– Нужно всё свернуть и уехать за границу, нам больше деньги не нужны! – быстро убежала она.

– А дело? Помимо денег, есть еще и дело – оно часть меня. Что я там буду – валяться на пляже и общаться с этими сытыми харями? Или рыбачить? Я же не смогу без дела, без своих расчетов и без команды, ну, пойми, глупая! Давай лучше здесь разберемся. Да что они – не из плоти сделаны? Я мигом справки наведу, а если надо – их уроют.

– На, вот, прочитай, – подала она письмо, – там и тебя касается.

Он прочел и всё понял.

Десять лет он потратил на создание собственной системы и ее конспиративных защитных механизмов, а они знали то, что, казалось, знал только он. Казалось, как они могли узнать номера личных банковских счетов? Но они в письме были обозначены. И еще он прочел:

«Слушай, Дыба, вразуми свою долбанную бабу, ты ни при чем, мы знаем, но если ты ее хочешь иметь живой, то в твоих интересах, чтобы она все вернула, иначе тебе придется перекраситься в некрофила. Пойми, козел, она всего лишь идиотка, у которой съехала крыша».

Но как ни странно, это послание не испугало, а наоборот – раззадорило Сергея Яковлевича.

– Слушай, а может быть это какая-то секретная структура в органах безопасности? Я наведу справки.

– Да какая разница! Ты пойми, они так или иначе не простят – отдадим мы бумаги или нет. Про эти бумаги никто не должен знать. У нас нет времени на объяснения. Сережа, нужно все спрятать сегодня, завтра будет поздно. Я тебе не говорила – они в Нижнем Стёпу уже убили, он тоже знал про эти бумаги.

Степа был двоюродным братом и компаньоном Елены. Это было серьезно.

– А откуда ты знаешь, что они?

– Они меня предупредили, что начнут с него.

– Так они тебе уже звонили?

– Сережа, нет времени, мы должны все закопать сегодня же! Ты знаешь подходящее место?

И ему в голову пришла мысль: он родился в Подмоскowie и подростком часто ездил на велосипеде в еловый лес к небольшому пруду, там они с мальчишками вытворяли что хотели, и туда никто из взрослых не заходил, грибы и ягоды не росли, разве что зимой наезжали за ёлками.

– Я всё упакую, а ты организуй так, чтобы ни одной души там не было, возьми моих ребят, троих, пусть выкопают яму, а твой пусть оцепят район и всё прочешут.

И началась гонка. Он дал экстренную аварийную команду и мигом съехались двадцать человек, хорошо вооруженных и готовых отстаивать неизвестные интересы.

Потом он проверял слежку и поменял три машины, потом выехал в район, всё сам осмотрел, пока прочесывали лес. Расставив «своих» в оцепление, он указал, где выкапывать яму. Копали трое, и он нервничал, глядя на них, потому что знал, что придется их убить, и жалел, что сходу не подумал, согласился на троих, хотя можно было обойтись и одним.

«Тогда и ей придется стрелять».

Они числились у Елены телохранителями, и сами «подрабатывали» заказными убийствами, да и явно подсиживала Елену, в любой момент готовы были прыгнуть.

«Развелось этой шушеры», – смотрел он на их стриженные затылки.

И точно знал причастность этого Годика к трем нераскрытым убийствам. А вон тот – вообще отщепенец – женщину замочил в лифте за пять тысяч баксов. Они с удовольствием вспоминают об этом, когда с ними в машине едешь – думают, что от этого авторитетнее становятся.

Эти размышления помогли ему обрести решимость и настроиться на отстрел. Он уже знал, что рука не дрогнет, и хотя никого еще лично не убивал – точно был уверен, что не пожалет и не дрогнет.

А трое, как звери, чувствовали, что происходит что-то экстренное, что что-то случилось и что нужно быть начеку, дабы не упустить момент и использовать свой шанс. Они не понимали, для каких целей яма, и немного струхнули, когда дело подошло к концу.

– Все тип-топ, шеф! – позвал Годик, – хватит такой глубины?

– Смотря для чего, – возразил еще один.

– Бухгалтерию Ленкину нужно зарыть на время, – пояснил Дыба.

– А я думал, жмуриков, – хохотнул Годик.

– Ну-ка, пошарьте здесь как следует, обойдите всё вокруг.

Он вдруг подумал, что место ненадежное. А что, если вздумают вскопать поляну эти чертовы огородники? Хотя яма очень глубокая, ни бороной, ни тем более лопатой не достать.

«А найдут – и черт с ними – гора с плеч – куда эти бумаги, если их все равно не продашь – кто их купит – „бесценные“, только наведёшь на себя».

Он еще не знал, что Елена решила закопать всю свою наличность.

У него тоже были наличными семьсот тысяч долларов, они хранились прямо в квартире, он и их присовокупил вместе со своими алмазами, которыми с ним рассчитались давным-давно за партию автоматов. Все остальные деньги лежали на счетах, и нужно было срочно менять эти счета, менять банки – он, наконец, понял, что влип в плохую историю.

Они упаковали все в мешок, и только тогда она отвела его в спальню и показала массивный сундук.

– Здесь бумаги. Можешь пока посмотреть, а я съезжу в офис, заберу документы.

– Как ты могла упереть этот сундук?

– Потом, потом! – она бросила ему ключ и умчалась.

Он открыл сундук и увидел круглые футляры, их было штук десять. Под ними лежали очень старые папки, они были сделаны из грубой кожи, но листы в папках были вполне современные – с текстом, отпечатанном на машинке или написанном от руки, иногда по-русски, но чаще на каких-то иных языках (Сергей Яковлевич языков не знал).

В футлярах оказались свитки (или как их там назвать?), аккуратные бумажные рулончики – то совсем ветхие, то новенькие, испещренные таблицами, цифровыми расчетами, словами, стихами, рисунками или скорее картографическими зарисовками. Все это здорово смахивало на дневники какого-нибудь ученого. Наткнувшись на русский текст, Сергей Яковлевич принялся за чтение.

Он ознакомился с размышлениями какого-то чудака, видимо жившего в глубокой древности. Нет, это не была летопись, всё написано почти современным языком, с повторением одних и тех же фраз: «Я знаю, что есть» так, «я хочу, чтобы было» эдак, «я оставляю здесь» это, «я забираю с собой» то или этого. Перечислялись имена людей и выписывались их характеристики, а иногда и имена животных и их повадки.

Одно место запомнилось Сергею Яковлевичу:

«Сегодня чуть не убили, рана не смертельная, но жить не хочется, наверное, уйду, нет сил смотреть на происходящее, да и оболочка неподходящая, не дает прорасти сознанию».

Далее были цифровые расчеты и заключительная фраза:

«Вспомнить и захотеть».

Вообще, эта фраза появлялась во многих местах, как резюме или как заклинание.

– Что здесь может быть бесценным? – спросил Дыба появившуюся Елену.

– Дурачок, я потом тебе объясню.

– Потом, потом! – вспыхнул он. – Ты водишь меня за нос! Кто купит этот хлам?

– А кто тебе сказал, что мы его будем продавать? У нас итак достаточно денег.

– Так на черта нам эти бумаги?!

– Они для души, Сереженька. Ты все поймешь, ты другим станешь.

Ее голос прозвучал так неожиданно нежно и ласково, что Кандыбов обмяк и сдался.

– Совсем ты меня охомутала, Ленка. Делай, как знаешь, я в этих вещах ни черта пока не понял.

– Годика, Василия и Петьку придется ликвидировать.

– Ну, это понятно, только зачем троих?

– Они все знают про сундук, они его таскали.

– Ну, тогда конечно. Лен, а почему это я должен стать другим? Я что – такой тебе не нравлюсь?

– Я в другом смысле. Ты же знаешь, я от тебя без ума.

– Не похоже, по-моему – ты без ума от этих бумаг.

– Хочешь доказательств? – и она поцеловала его. – Только быстро, хорошо?

И они занялись тем, что почему-то называют любовью именно те люди, которые никогда не узнают – что такое любовь, так как известно, что любви на Земле не было и быть не может.

Глубокой ночью, когда Годик с сотоварищами перетаскивали сундук с мешком в машину, Сергей Яковлевич закончил обзванивать всех, с кем имел дела, и сообщать, что исчезнет на месяц.

Он знал, что на Луже и без него справятся, да и в остальных делах так же. Но больше, чем на месяц он исчезнуть не мог – все дело рухнет, начнется паника, конкуренты мигом станут действовать.

Ему всё казалось, что вся эта история будет длиться не долго, что Лена слишком преувеличивает опасность, что это скорее азартное приключение, в котором всего лишь одно досадное недоразумение – нужно прибить трех выродков ради, так сказать, светлого будущего. Сколько раз уже он бывал и в более опасных переделках, однажды и в него стреляли – он помнит этот мерзкий, почти молниеносный, но ужасный не то вой, не то грохот пули, пролетевшей в нескольких сантиметрах от уха.

Единственное, что понимает крохотный мозг этих годиков, – это правила игры, в которую они вступили, и возможность умереть в любой день, поэтому они и живут одним днем, как голодные псы: набил брюхо сегодня, а завтра может и не повезти.

Дважды Кандыбов сам присутствовал при убийствах. Один раз резали стукача, во второй раз стреляли умыкнувшего из общаковской кассы. Убивавшие тут же раздувались от чувства праведно исполненного долга, становились страшно «крутыми», испытывали сладость от чувства, что их опасаются свои же. Но проходил месяц-другой, и они ломались, они, наоборот, начинали понимать своим неразвитым мозгом, что их «опустили», «подставили», «использовали», что их превратили в шушера, на которой клеймо нелюдя, ибо они не по своей воле убили, а по чьей-то, и если даже коллективной, но не по своей.

Кандыбов знал об этом, и потому ничуть не беспокоился – он убьет по своей воле, зная кого, почему и зачем. Ведь этих стукачей и умыкнувших убивали в назидание, чтобы и сам убивающий не посмел поступить так же. Их можно было и не убивать – ничего бы не изменилось. А здесь другой случай – не убьешь – все переменится и самого убьют. Это гражданская война. Она не прекращается ни на день ни в одном государстве: везде и всюду одни граждане убивают других – сыты или голодны, бедны или богаты – они беспрерывно самоутверждаются и лезут всеми путями к власти, дабы быть правым и первым.

«Это война. А на войне, как на войне», – и с этой мысли Сергея Яковлевича Дыбу сбить было невозможно. Но именно эта мысль давала ему трезвое самоощущение и она же была стержнем, на котором воздвиглось его рискованное дело и все, чего он достиг.

...Он стрелял в голову с двух шагов и первого убил сразу. Леночка же лишь ранила Годика в плечо, и тот упал, но потом бросился бежать. Вторая пуля попала ему в ягодицу. Третий, кажется, Василий (Дыба так и не запомнил, кого как зовут), присел и закрыл голову руками. Сергей Яковлевич всадил ему две пули сверху в голову. И в это время Годик развернулся, прохрипел: «А-а, суки! Волки поганые!» С этими словами он как-то дико прыгнул и снова завалился. Дыба выстрелил, но не попал. Тогда подбежал и глядя Годiku в глаза выстрелил два раза в грудь. Все было кончено.

Сначала он хотел утопить машину в пруду, но подъехав, понял, что пруд давно обмелел – столько лет прошло, когда они здесь купались мальчишками.

«Всё мельчает, чем дальше, тем и Земля становится крошечней, – думал он, обливая машину бензином. Пистолеты с глушителями он выбросил в воду. – Нужно будет все перепрятать».

Он понимал, что с его долгим отсутствием начнут ковыряться в его действиях, вряд ли догадаются, что здесь было на самом деле, но а вдруг? Его ребята из оцепления – хотя нет, ну, будут думать, что была разборка. Ведь о том, что закопали тайник, знали только эти трое, а они все эти часы были на глазах. Разве кто-нибудь из них мог позвонить, пока он с Ленкой кувырчался. Но кому? Нет, исключено. Хотя всё было сделано наспех, не так как надо...

Все эти размышления не давали ему покоя и в Париже, да и Елена дергалась. Она сказала, как к ней попал сундук.

– Так бумаги не принадлежали этому козлу?

– Нет, его люди украли сундук у кого-то тайного общества.

– Так кто за ним охотится, козел этот или общество?

Козлом он называл известного всей стране деятеля-бизнесмена Ямского, разжиревшего на нефти. В последнее время тот видимо переключился на наркотики и, конечно же, был очень опасным противником.

Козлом он называл его, потому что тот хотел сделать Лену своей любовницей. На этой почве и проболтался ей о бумагах и краже их. Об обществе же толком ничего не было известно.

– Если за нами охотится Ямской, то это ерунда, я смогу договориться, нам тогда и бегать незачем.

– А если не он?

В подобных предположениях они прожили пять дней, пока не пришло известие об убийстве Ямского. И они решили вернуться, понадеявшись на то, что с этим убийством все концы ушли в воду. Хотя оставались серьезные сомнения. Но и сидеть в неведении было невыносимо. И они вернулись.

Через свои информационные источники в милиции Сергей Яковлевич узнал, что дело у водоема было сразу объявлено «глухарем», и никто его особо не ковыряет – не смогли определить даже личность Годика, не говоря о трупах в машине.

– Нужно съездить, проверить, – беспрерывно твердила Елена.

И они поехали. У поворота к лесу им встретился этот поганый красный «жигуленок». Лена вертелась как на иголках.

– Ты чего?

– Нужно номер запомнить.

– Да брось ты, – но сам посмотрел и запомнил. – Запомнила?

– Запомнила.

– Ну, и я запомнил.

Но когда они побывали на поляне, и с первого взгляда поняли, что клад был только что выкопан, от потрясения ни он, ни она не могли вспомнить номер.

– Надо бы раскопать, удостовериться, – пробормотал он.

– А это что! – тыкала она ему в грудь фонарик и пачку, найденные на самом видном месте.

– Да, – согласился он, – и лопаты у нас нет.

– Нужно догнать его! Это он, я прямо чувствовала, что эта машина неспроста. Ну, вспоминай, вспоминай! – требовала она всю дорогу.

Но память подвела обоих – была лишь слабая надежда, что позже что-то всплывет, а теперь он выжимал из двигателя все, что мог: разве тут вспомнишь? Глаза жадно следили за дорогой, каждая догоняемая машина казалась целью, несущей облегчение, ну если не эта, то вон та...

Их затормозили на милицейском посту. Это была уже Москва. Они проиграли.

– Это же надо было свихнуться из-за этих чертовых бумажек! – сказал он.

– Ничего, мы найдем их!

Он посмотрел на нее, она не шутила, не бесилась, она действительно свихнулась из-за этих чертовых бумажек.

– Мы найдем их, – повторила она, и ему ясно представились эти мешочки, туго набитые алмазами.

И действительно, через три дня он напал на след.

Случилась банальная история. Тот самый торговец Мишка разболтал среди своих бывших одноклассников о стрельбе за городом, и рассказывал так, будто сам был чуть ли не очевидцем того, как кто-то закапывал клад.

Такие слухи в определенных кругах разносятся стремительно. Дошли они и до Сергея Яковлевича. Он велел навести справки об этом рассказчике и ему сообщили, что Михаил Петрович Федотов женат, имеет трехгодовалую дочь, что он закончил политехнический институт, что у него две машины, жена бухгалтер, что он не дурак выпить, любит спать при открытой форточке и еще многое, чего бы сам Мишка, заставь его написать анкету, не вспомнил бы.

Но у Мишки не было старого красного «жигуленка», и в тот вечер он не мог оказаться на перекрестке, потому что точно было установлено, что он возился в гараже до одиннадцати вечера. Но какого черта он болтал о кладе? И ничего не рассказав Елене, Сергей Яковлевич решил встретиться с этим Мишкой. Чувство подсказывало, что тот ни причем, не станет же укравший тут же трепаться о краже. Да и по его трепу можно было догадаться, что сам он ни черта не видел.

Мишку могли привезти куда угодно, но Сергей Яковлевич посчитал, что лучше понаблюдать за ним в людном месте, чтобы перестраховаться и не привлекать излишнего внимания к Мишкиной персоне. Вот он и выбрался на Лужу, и в сопровождении двух молодцев, следовавших на расстоянии, пробирался к Мишкиной торговой точке.

Все эти дни он с помощью милиции искал красный «жигуленок», но без номера (они вспомнили лишь две цифры) найти было невозможно. Хотя поднялся такой шум, что Дыбе уже звонили всяческие крупные шишки и лукаво предлагали помочь решить проблему.

– Шакалы! – кричала Елена, – скоро всё вынюхают!

«Она стала совсем дерганой», – сочувственно думал он, продираясь сквозь толпы покупателей и постоянно получая тычки от этих активных теток с колясками и сумками. Это и был его народ-кормилец, которому и он был обязан своим состоянием. Эти тычки его совсем не раздражали, он даже извинялся и улыбался озабоченным глазам, шарящим по бросовому товару.

– Чего ты лыбишься, отойди в сторону! – шуганула его какая-то цыганистая тетка, толкая впереди себя тележку с ящиками.

Удар пришелся по ноге, да такой, что он даже охнул от боли.

– Нашел место для выгула! – добавила она с какой-то невероятной злостью и покатила, покрикивая: – Дорогу! Расступись! Пошевеливайся!

Его сопровождающие смотрели, как он морщится и потирает ушиб. «Все нормально!» – махнул он им рукой.

Эта сцена произошла рядом с торговым местом Мишки Федотова.

– Во, корова! – посочувствовал Мишка. – Надавать бы ей по башке!

– Пусть процветает, – улыбнулся Дыба. – Как идет торговля?

– Да потихоньку. – Мишка знал, как отвечать на такие вопросы. – Вот купите джинсы – все цвета и размеры, самые модные фирмы. Американские! Самые дешевые на рынке!

– Сам возишь?

– Сам вожу, сам торгую, сам мозгую.

– Из Америки?

– Так тебе все и расскажи, – насторожился Мишка и покосился на двух молодцов, делающих вид, будто их интересуют кепки соседа.

Он сразу понял, что это за молодцы, да и все понимали, осторожно обходя их и стараясь не задеть.

Тут какой-то покупатель стал ковыряться в джинсах и теснить Сергея Яковлевича, а Мишка и рад отделаться от праздношатающегося – давай рекламировать и втюхивать свой товар.

– Так дело не пойдет, я первый, – обиделся Дыба и кивнул своим молодцам. Те мигом стали вокруг Сергея Яковлевича, и покупатель все понял, только взглянув в глаза одному.

– Да я ничё, ребята, я подойду потом, – и исчез.

Мишка не дурак, и тоже все понял, он сразу вспомнил свой трёп про стрельбу за городом, про идиота Афанасия, шастающего по лесам, про долги, о которых все давно забыли... Он понял это даже не умом, а телом, ибо за несколько лет торговли на Луже у него выработался условный рефлекс на определение, что кому нужно – а тут перед ним стояли два конкретных бандита и какой-то улыбающийся коренастый господин – с очень изучающим взглядом.

– Миша?

– Да... У меня всё оплачено. Я Эдику все отдал... Чего вы, ребята? Я же на этом месте год стою!

Соседи с любопытством поглядывали – чем все это кончится.

– Да все нормально, ты не волнуйся, – успокоил Дыба.

– Человек с тобой поговорить хочет, – объяснил молодец.

– Так у меня товар, покупатели.

– Компенсируем тебе покупателей, а вот Веня – посторожит, – это уже Сергей Яковлевич прошептал, склонившись, чтобы соседи не слышали.

Тоскливо оглянувшись по сторонам и не найдя никакого решения, Мишка стал выбираться из своего крохотного торгового местечка, оплаченного деньгами, потом и нервами.

– Посмотри за товаром, ничего не продавай, – попросил он зачем-то соседку, ведь ему было сказано, что Веня посмотрит.

Они втроем направились к пищевым палаткам. Расположились за столиком вдвоем, а сопровождающий уселся поодаль.

– Это Саша, – кивнул на него Сергей Яковлевич, – мастер спорта по боксу, хороший парень, ты не смотри, что он хмурый, жена недавно в аварии погибла. Ну, что есть будем? Я люблю на свежем воздухе, хотя, наверное, здесь всё несвежее?

– Да нет, вот здесь мясо хорошо готовят.

– Ну, попробуем мясо, а я вот коньячка хорошего захватил.

У Мишки сразу отлегло – раз с коньячка начал, значит еще можно будет выйти сухим из воды.

Сергей Яковлевич сам купил и принес мясо, а Мишка раздобыл тем временем пластмассовые стаканчики.

Коньяк был действительно хорош, да и мясо оказалось вполне сносным.

– Сколько в месяц зарабатываешь? Ну, в среднем?

Мишка сказал.

– Если проблемы будут, найдешь вот этого, Сашу, он все решит. Пей, не стесняйся.

Они стояли у столика, и с виду можно было подумать, что два приятеля решили подзакусить и выпить. По трансляции орала музыка, слышанная Мишкой каждый божий день, от торговых рядов доносился мерный гул, сновали бичи и собаки, ожидающие своих порций, у Мишки тепло и мирно урчало в мозгах:

«Нужно молчать, может, заплатит больше, информация нынче денег стоит, а он мужик больно крутой, вон какой каменюга на перстне».

– Ну вот, Мишенька, – дожевывая мясо и утираясь платком, сказал Сергей Яковлевич, – убить тебя могут.

От этих слов торговец поперхнулся.

– За то, что ты знаешь, я тебе заплачу, – спокойно и с улыбкой продолжал Дыба, – а ты больше не трепись никому о том, что видел за городом.

– Да ни черта я не видел! Это Афонька, придурок, мне рассказал, как грохнули троих у этого озера, я и места этого не нашел.

– Так ты искал место?

Мишка понял, что проболтался.

– Я хотел просто... посмотреть, но там на дороге меня менты задержали. Я и не стал искать. Лучше иметь геморрой в жопе, чем дырку в черепе.

– А зачем искать?

– Да, понимаете, если они там их грохнули и что-то копали, то наверняка из-за тайника.

– Умный ты, Михаил Петрович, – без особой интонации сказал Дыба, – сейчас пойдем, ты все дословно мне напишешь – что тебе этот Афоня рассказал – всё досконально. Получишь за это три тысячи и мое большое спасибо. А оно, мое спасибо, подороже трех тысяч будет.

– Само-собой, – уважительно подтвердил Мишка, – я как вас увидел, сразу понял...

– Ты свои умные фантазии при своем геморрое оставь, живей будешь, – опять безэмоционально остановил его Сергей Яковлевич, – и никто, ни одна душа не должна знать, о чем мы говорили. Если я что-то узнаю, что-то услышу, то без штанов оставлю и посреди Красной Площади голый кукарекать будешь.

Они посмеялись и пошли в конторку, где Мишка часа два сочинял свои воспоминания.

Суеты своим появлением на Луже Сергей Яковлевич наделал много, да ладно бы появился и уехал, а то вышагивает по площади и всё думает да думает, никаких распоряжений не дает. Те немногие, что знали, кто он такой, совсем извелись, спрашивали «не надо ли чего?» и сами топтались невдалеке, глаз не спускали. Быстро дознались – заставил какого-то торговца что-то писать, а его товар сам Веня караулит и не гнушается.

А Лужа жила своей жизнью: продавцы топтались и в большинстве своем были неврастениками и алкоголиками, торговля давно не шла так бойко, как в первые годы, когда сметалось всё, только дай. Одновременно в разных концах этой людской давилки происходили удивительные, печальные, счастливые или банальные сцены и сценища.

Народ боролся за место под Солнцем, которому было наплевать на эту борьбу и которое с таким же равнодушием освещало и безлюдные пустыни и далекую тайгу, моря и горы, и кто бы не отвоевал место потеплее, Солнце оставалось к нему таким же безучастным – ведь человек не может съесть и выпить больше, чем съест и выпьет.

У Сергея Яковлевича уже столько денег, что их бы хватило ни на одну сотню бездеятельных жизней, а если конкретнее, его состояние приблизилось к семистам миллионам долларов, если считать и украденные алмазы. Он ставил себе цель – миллиард, но сейчас, прохаживаясь, вдруг подумал, что эта цель пустячная. При таком количестве денег, они становятся обычными цифрами, и даже если они вкладываются в дома, заводы, пароходы и куски земли, то это уже трудно воспринимать как своё – это уже частичка страны, планеты, песчинка во вселенной.

Единственное, что могли ему дать и давали деньги – это удовлетворение от власти, от солидного кусочка власти, к пирогу которой рвутся беспрерывные толпы. Независимости деньги не дают. Это сначала кажется: обеспечишь себе порядочную жизнь, будешь покупать все, что захочешь, и – независим. Но разве можешь получить независимость от семьи, детей, от здоровья, от случайностей, от дураков, от тех, кто с тобой работает, от тех, кто дышит в затылок?

«Я и эти торговцы, попросту влипли в эту систему заколачивания и прокручивания денег. И я и они в паутине, мы уже не можем без этой авантюрной и напряженной жизни, без этих бесконечных подсчетов. Одна лишь разница – у меня есть власть и связи...»

Но тут ему полезли в голову совсем ненужные рассуждения: *существует множество уровней власти, ведь он не может властвовать в море, там хозяева акулы и касатки, в лесу – волки и медведи, а среди людей столько властных структур, столько стран, что его власть можно сравнить с властью ребенка над игрушками или хозяина многодетного дома...*

Подобные рассуждения стали его преследовать совсем недавно, и он даже как-то пошутил:

– От этого сундука с бумагами можно заразиться, уж не инфекционный ли он?

На что Елена совершенно серьезно ответила:

– Всё может быть.

Она вообще очень серьезно относилась к оккультным вещам, у нее был свой астролог, и она верила во все неопознанное и аномальное. И в бога верила. И в дьявола. Непонятно только – в кого больше. Потому что при разговорах о дьяволе она становилась какой-то томной, в ее голове явно вырисовывался специфический образ этого самого «крутого» существа вселенной. Она и Сергея Яковлевича стала приобщать ко всяким таинственным явлениям.

Он посмеивался, но в голове кое-что откладывалось и требовало размышлений. И чем чаще он размышлял, тем явственнее его преследовал образ липкой паутины, в которой запутались его новые мысли. Раньше он бы их запросто отогнал, но постоянное общение с Еленой как-то расширяло его сознание и, будучи человеком самостоятельным, он вдруг стал полностью зависеть от ее настроения и ее желаний. И еще не разобрался – нравится ему это или нет, хотя жить стало не то что веселей или интересней, а, наверное, более разнообразнее.

– Там этот парень закончил писать, – подошел Саша.

– Ну, пойдем, посмотрим, чего он там накалякал.

А накалякал Мишка Федотов много – восемь листов, от души потрудился. Сергей Яковлевич читал и посмеивался, автор не забыл даже отметить, что потерял невинность Афоня в пятнадцать лет.

– Да у тебя, я смотрю, талант!

«За такие бабки я бы поэму сочинил», – подумал Мишка, а вслух сказал:

– У меня по сочинению всегда пятерка была.

– Ну а где он живет?

– А вот, я написал отдельно – здесь он, а здесь его предки.

– Ну, Михаил Петрович, иди, работай.

Мишка топтался.

– А-а, забыл, извини. – И Сергей Яковлевич достал кошелек. – Никому, как договорились.

– Да что я, враг своему здоровью? – и Мишка подхватил деньги со стола. – Спасибо.

– Ты их заработал, так что и тебе спасибо.

На том и расстались.

Сергей Яковлевич послал троих по адресу, чтобы они там осторожно понаблюдали, а сам отправился домой.

Елена отсутствовала. После приезда они жили вместе – так было безопаснее. Со своей семьей он расстался два года назад, она купила мужу квартиру, а дочь ее жила у бабушки в пригороде. Он аккуратно подкидывал деньги на своих дочерей, иногда забирал их и катал по городу, она навещала свою дочь – так живут многие, ничего не поделаешь, да и не переживал он особо из-за таких отношений – с его образом жизни иного не придумаешь.

Через три часа позвонил Саша.

– Он вчера продал квартиру и свалил в неизвестном направлении.

Сергей Яковлевич выругался. Недооценил он этого Афоню.

– У родителей были?

– Они сказали ее предкам, что переезжают в другой город и дадут знать куда, напишут.

– А его предки?

– Они же умерли.

– А что, в его квартире уже живут?

– Он продал вместе с мебелью.

– Наверное, подешевке?

– Да, наверное, уж больно там баба счастливая.

– Слушай, нужно собрать сведения о его родственниках – всех, какие есть, и вообще – к кому он мог уехать, где он залег. Плати направо и налево, запугивай, делай, что хочешь, но чтобы картотека была полной. Деньги есть?

– Найдем.

– Я тебе все верну.

– Да я не об этом. Сергей Яковлевич, а что если он за границу попрет?

– Ну, посади человека на контроль всех рейсов. Хотя нет, я сам позвоню и отслежу. Может, у него и загранпаспорта нет? Ну, это я сам проверю. За сколько управитесь?

– Ну, к позднему вечеру, наверное.

– Рой землю, Шура! Работы будет много, придется еще, наверное, выезжать в командировку за этим чертовым умником.

– Сильно насолил?

– Пересолил так, что кишкам кисло. Ну, давай.

– Найдем – куда он денется с бабой и двумя детьми.

– И про красный «жигуль» не забудь – у него или у родителей, или у приятелей должен быть. Может быть, он на нем укатил.

– «Жигуль» у ее предков, красный, у подъезда.

– Тогда, наверное, сел на поезд или электричку, или на автобусе. Самолетом вряд ли. В общем, действуй!

Сергей Яковлевич матюгнулся и налил себе покрепче. Неожиданно, в его голове всплыла улыбающаяся рожа Мишки.

«Ведь знал, наверное, что Афоня слинял, потому и накалякал всю эту чепуху. Тряхануть его что ли как следует, может, он знает, где искать? Но это завтра».

И Сергей Яковлевич стал обзванивать всех, кто мог бы дать нужную ему информацию.

Наступил вечер, а Елены все не было. Он уже не знал, что думать, когда зазвонил телефон.

– Слушай внимательно, – голос звучал сурово и чуть устало. – Твоя Елена у нас. Когда вернешь бумаги, получишь ее. Так что поторапливайся.

– Да ты знаешь – на кого ты наехал, падла?! Я же!..

– Я позвоню послезавтра вечером, – и трубку повесили.

Сергею Яковлевичу стало очень плохо. Елена действительно стала частью его души, без нее ему уже всё было неинтересно.

Знала об этом и Елена, и потому таким вот образом решила активизировать его на поиски украденного и попросила мужа своей давней подружки позвонить.

Но откуда Сергею Яковлевичу было знать, что Елена способна его так использовать...

Глава третья

в которой сообщается как Афанасий
очень хитро «залег на дно», как залили листы кофе,
как появилась женщина в малине
и как пытались постичь «бумажную систему».

В один день став богатеньким Буратино, Афанасий проявил удивительную расчетливость. Он решил так: нужно исчезнуть, раствориться, порвать полностью со всеми знакомствами и родными.

Его Ирина была не против, как только услышала о случившемся, и тем более, как только увидела деньги – две толстые пачки, в которых они насчитали двадцать тысяч «зеленых».

Ирина взялась за продажу квартиры, и всё было оформлено в два дня. Самые памятные семейные реликвии и вещи Афанасий упаковал в ящики и отвез в гараж к тестю.

– Начнем жить с нуля! – объявил он жене.

И она согласилась. А почему бы ни начать, если есть такие деньги.

– Пока поселимся за городом у Ольги.

И с этим она согласилась, хотя в другой ситуации устроила бы скандал. Но лучше этого придумать было невозможно. Про Ольгу знали только они двое.

Были времена, когда за студентом Афонею шла настоящая девичья охота. Он был хорош собой, воспитан, с московской пропиской, общителен и, видимо, сексуален, раз девчата кружили вокруг него. Влюбилась в него и Ольга.

Они проучились год вместе, а потом она бросила археологический и поступила на юрфак. Годы шли, а она оказалась однолюбкой. Но самое печальное – она была некрасива или даже страшенькая: и фигура и ее лицо были чуть ли не безобразные. Сработали какие-то ненормальные гены, потому как и отец и мать были вполне нормальные, бабушки с дедушками очаровательные, а вот единственная дочь не удалась внешне, хотя умом выделялась с детства. Отец был дипломатом и с матерью жил в Турции. Ольга окончила учебу и дослужилась до заместителя районного прокурора.

Нужно сказать, что все эти годы Афанасий изредка встречался с ней и даже как-то, задумав развестись, жил у нее на даче целый месяц. Он жалел Ольгу, а она ради него была готова на все, и не раз помогала ему в кризисных ситуациях. Он редко пользовался ее поддержкой, но знал, что она сделает для него все что угодно. Видимо, он оказался в ее жизни самым родственным существом – так по крайней мере он сам определил ее преданность.

В Переделкино у ее отца была дача, вот там то и задумал Афанасий спрятаться от преследователей, а те обязательно должны были объявиться – черный «мерседес» мерещился ему всюду.

Он позвонил Ольге и попросил о встрече. Через полтора часа она ждала его на платформе в метро. Он молча взял ее за руку и они катили под землей до конечной, потом он завел ее в какой-то скверик, усадил на скамейку и объявил:

– Оленька, меня преследуют бандиты. Ко мне в руки попали древние рукописи, очень необычные. Это что-то потрясающее! Но они на все способны, я знаю, они уже убили из-за этих рукописей трех человек, а может и больше. Я должен исчезнуть со своей семьей...

– А если государству передать рукописи?

– Но не сейчас, Оля, я должен сначала сам их изучить! Это же мой шанс.

– Ты прав. Потом все расскажешь. У нас на даче можешь жить сколько угодно. Правда, денег у меня почти нет, но я могу продать машину.

– У меня деньги есть. Только ни одна душа не должна знать. Я всем сказал, что мы уехали в другой город, я квартиру продал.

– Это так опасно?

– Это очень опасно.

– Ну, тогда я поехала, приготовлю все. А вы когда будете?

– Сегодня вечером.

Афанасий уже забыл, что считал себя неудачником – чего он вообще кис и депрессировал, когда у него есть такой верный друг?

«Жизнь – зебра, сегодня черная полоса, завтра белая», – вспомнил он, но не смог определить, белая или черная полоса у него сегодня.

А Ольга была счастлива, наконец она ему нужна и наконец-то она сможет поучаствовать в его жизни. Детей у нее быть не могло, жила она с собакой бассетхаундом Гариком и кошкой Люсей, ездила на службу и отдавала работе всю свою энергию.

И откуда знать Афоне, что он единственный шептал ей в редкие моменты близости слова, которых она ни от кого больше не слышала. Чувственный человек Афоня, и если кому отдавался, то всем существом – несмотря на внешние данные, да и происходили такие интимности всегда в состоянии подпития. У женщин особая память, и есть среди них натуры такие драматичные и идеалистичные, что в огонь и в воду пойдут ради какого-нибудь романтического образа – а почему, и сами не знают...

К вечеру семейство Афанасия прикатило в Переделкино. Здесь вышла глупая сцена. Ни у него, ни у жены не оказалось рублей, чтобы расплатиться с таксистом. Не давать же сотню долларов, пришлось занимать у Ольги.

Дача была старая, деревянная, окруженная соснами и в соседстве с трехэтажными особняками, только что выстроенными, с такой кичливой архитектурой, что и свет не видывал.

Комнат в доме пять, да еще мансарда и небольшая кухня. Чемодан с бумагами Афанасий затащил на мансарду, где и решил обосноваться.

«Все к лучшему, – думал он, глядя, как девчонки и пес Гарик бегают среди сосен. – Про Ольгу никто не знает, если и выйдут на квартиру, то решат, что мы выехали из города – и пусть себе рыщут по всей стране. Главное в Москве не появляться».

И всё правильно он учел, всё рассчитал, но забыл Афанасий только одно – Земной мир действительно бывает удивительно тесен...

Вечером, когда дети были уложены спать, он рассказывал Ольге о своих приключениях. Ей он мог довериться, но все же умолчал о мешке с деньгами.

– Так в сундуке оказались только бумаги?

– Нет, Оленька, на дне лежали мешочки с алмазами и приисковым золотом, ну и пачки с долларами. Я даже не знаю, на какую сумму.

– Ни фиги себе!

– Я взял немного с собой, остальное зарыл.

– А бумаги?

– Бумаги здесь.

– Ты хоть место-то запомнил? – спросила Ирина.

Ей все не верилось, что ее недотепа Афоня наконец совершил настоящий мужской поступок.

– Нужно бы карту составить, – добавила она.

Ему вдруг закралась мысль, что она боится – как бы с ним чего не случилось, тогда как она не будет знать, где спрятаны сокровища. С этими задними мыслями ничего не поделаешь, – сколько лет прожито вместе, сколько жертв ради друг друга принесено, а вот выскакивают гнусные подозрения из этой чертовой башки – Афанасий свиньей себя почувствовал.

– Я там на деревьях зарубки сделал. А ты что думаешь, прокуратура?

Ольга жадно курила, и в полумраке ее лицо было совсем необычное – эти острые скулы, темные глубокие глаза, массивный нос, тонкие губы – сейчас ее внешность можно было назвать мистической, природа одарила ее особой энергетикой, которая и оставила на ее лице некий образ, совершенно оригинальный, не имеющий к привычным понятиям о красоте никакого отношения. Но такой ее редко можно было видеть. Только дома, да еще когда появлялся рядом Афанасий.

Ирина была милашкой, но сейчас не чувствовала, что выглядит лучше Ольги, наоборот – в этой компании она ощущала себя бесцветной и очень уж нейтральной. А тем более, когда Ольга улыбалась, то в какой-то миг в ее лице мелькало нечто совершенно на нее непохожее – словно другой человек, как вторая сущность, выказывал себя в ней. Этот эффект был очень необычным.

– Прокуратура думает, что ты преступил закон. Способствуешь сокрытию преступления и утаиваешь от государства незаконно добытые ценности, – улыбнулась она.

– И укрываюсь от налогов! – хмыкнул Афанасий. – Ты лучше скажи: я правильно сделал, что не побежал в твою контору?

– Кто знает, что правильнее. Время покажет. Но вот семью свою ты подверг страшному риску.

– А что, твоя контора оградила бы мою семью, обезопасила бы?! – разозлился Афанасий. – Ты еще скажи – на этих деньгах кровь, они ворованные, я не законно-послушный идиот, с такой психологией никакого духовного общества не построить – так что ли? Есть у тебя выпить?

Ольга принесла коньяк.

– Ну, шлепнули бы меня под той елочкой – что имела бы семья? – Он выпил. – Все вы так – горазды других вразумлять, а что бы на моем месте ты сделала?

– Не стала бы выкапывать.

– Ну, значит ты просто не любопытная или трусливая.

– Да я же тебя не обвиняю, чего ты кипятишься?

– Еще бы ты обвиняла, то же мне – прокуроры – одна фикция. Всю страну разворовали, люди вынуждены черти чем заниматься, чтобы не сдохнуть, кроме этого дьявольского бизнеса ни хрена не осталось!

– Ты бы больше не пил, Афанасий, – попросила Ирина.

Но он выпил. Он понимал, что Ольга в чем-то права, и не в том, что не нужно было выкапывать, просто все эти деньги свалились как снег на голову и были все-таки чужими. Одно дело извлечь клад столетней давности, и другое дело...

– Слушайте, а что, если их тоже убьют, клад будет бесхозным и никаких проблем!

– Что это с тобой, – разозлилась Ирина, – совесть заговорила? Да не будь ты такой рохлей, Афоня! Вспомни, как тебя обобрали – ни у кого совесть и не ёкнула, а у тебя дети!

– Да пошли вы все!

Афанасий опьянел. Громыхая он поднялся наверх, открыл чемодан и стал раскладывать его содержимое на диване, задумав составить опись.

Через десять минут Ольга с Ириной услышали его дикий крик:

– Сюда! Быстрее, поднимайтесь сюда!

– Совсем не умеет пить, – поморщилась Ирина.

А Ольга первая вбежала наверх.

Афанасий держал в руках листы и смотрел так, будто его раздели догола.

– Ни фиги не понимаю! Чертовщина какая-то! Или у меня что-то со зрением?

– А что случилось?

– Оленька, посмотри – может, я не вижу – на этих листах ничего нет!

– Как нет? – Ирина выхватила листы, потом перелистала все папки. – Но ведь было...

– Может, кто-то подменил? – нашла Ольга.

– А в футлярах всё, как было, – и Афанасий вытащил свиток из футляра. – Вот – какой-то непонятный язык, – тряс он свитком, – вот и в этом футляре всё написано. Все семь свитков в порядке. А в папках – белые листы!

Он разбросал свитки и футляры, так что женщины взялись всё вновь сворачивать и упаковывать.

– Но мы же с тобой вместе смотрели – там было и по-русски написано, всё было исписано, ну, скажи, Ирина!

– Ну да, ты же мне прочел про какую-то колесницу, летящую по небу. Я даже не представляю – кто и когда подменил?

– Слушайте, а может быть это от освещения или чернила особые? Ну, помните, как конспираторы делали? – Ольга взяла лист и поднесла его к настольной лампе. – Да и бумага здесь какая-то плотная, такой сейчас и не делают.

– Но мы же тоже при электрическом свете читали, – возразила Ирина.

– Ну, мало ли... Раз эти бумаги закапывали, значит, они не простые.

– Ты права! Тут черти что может быть! А вообще-то, ребята, я что-то жутко устал. Давайте завтра посидим, подумаем. Хорошо бы узнать, что за язык на этих свитках. Ты что-нибудь придумай, Оль.

– Давай, ложись. Придумаем.

– Да не переживай ты, тебе и свитков хватит для того, чтобы голову сломать, – подбодрила жена.

– А может и деньги нарисованные, а камни – стекляшки, – пьяно пошутил он.

– Не может быть! – закричала Ирина. – Нашел над чем зубы скалить! Нажрется и как идиот становится!

– Да пошли вы! – И Афанасий бухнулся на диван. – Завтра соберусь и уеду на Белое море, грызйтесь здесь друг с другом за чье-нибудь другое мужское достоинство.

– Кретин! – Ирина пошла вниз.

А Ольга накрыла Афанасия одеялом, погладила по голове, он буркнул «Спасибо тебе за все» и она выключила свет.

Спал он как убитый, натерпевшись от последних событий и всех этих фантастических метаморфоз.

Не спалось только Ольге, она почти всю ночь просидела на крыльце и ее не оставляла мысль, что случившееся с Афанасием имеет какой-то скрытый смысл, она всё представляла, как он лежал под этой елью и будто сама ждала неминуемой смерти, и будто сама выкапывала этот сундук...

Неожиданно ей пришло в голову, что сундук тот имеет какую-то связь с бумагами. Возникла аналогия с глубоководными рыбами – извлеченные на поверхность, они меняют вид и цвет, гаснут и тускнеют. Что, если эта бумага претерпевает подобные метаморфозы?

Уже под утро она услышала шум машины. Кто-то приехал на соседнюю дачу. Она подошла к забору и заглянула в просвет между досками. Какая-то женщина и трое мужчин входили в особняк. Она никогда не видела их здесь, да, собственно, и особняк был выстроен совсем недавно. Его построили за полгода, снеся старенькую дачу одного умершего писателя. В доме засветились окна, двое мужчин скоро вышли, один уехал, а второй остался в машине.

«Плохо будет, если и деньги с золотом окажутся бумагой и камнями», – думала Ольга.

Хотя в глубине души ей хотелось, чтобы так и случилось, тогда бы Афанасий нуждался в ней еще больше, тогда бы он остался здесь жить, а она бы стала членом его семьи. Корыстные желания, но а почему бы нет, или ей запрещено мечтать о своем маленьком счастье?

Она готовила завтрак, когда ее испугал шепот за спиной: «Иди сюда! Только тихо!»

Это Афанасий манил ее наверх. Уже было светло, Афанасий загадочно улыбался, его волосы торчали во все стороны.

– На! – протянул он ей печатный лист.

Она успела прочитать предложение, когда он вырвал лист из ее рук.

– Они все исписаны. Обрати внимание – как будто писала машина или виртуоз-писарь – буквы ровненькие, одна возле одной, но без соединений, они словно выдавлены, как для слепых. Вот, пощупай!

Действительно, пальцы ощутили выпуклости, но этот удивительный шрифт был слишком мелким, чтобы его мог разобрать слепой.

– Это бумага словно живая, ты понимаешь?! Потрясающе! Я от волнения даже прочитать ничего не могу, меня всего колотит!

– Я принесу тебе кофе.

Весь день Афанасий провел за чтением непонятных текстов. Вернее, всё, что он читал, было очень понятно и даже порой банально, но чаще всего сумбурно, прерывисто, с перескоками с одной темы на другую – безо всякой связности и логичности.

– Вот, смотрите, – пояснял он вечером Ольге с Ириной, – здесь выписана какая-то тирада со сплошными матами в адрес какого-то Чеснокова, затем абзац и какие-то цифровые выкладки, похожие на бухгалтерский отчет за год, затем какие-то бредовые восклицания о любви, потом слова из песни, потом стихи, потом какие-то сексуальные охи и вздохи, здесь опять сплошной мат, какой-то чертеж, а на этом листе вообще, вот, смотрите, детский рисунок, а вот на этом – порнография.

Действительно, на одном листе очень аккуратными линиями была отображена откровенная сцена совокупления.

– А это что? – Ирина взяла лист, на котором было стократно повторено «а-ла-ла, па-па-па».

– Ну ты же читать умеешь.

– А здесь вот текст из «Войны и мира» Толстого, – показала Ольга.

– Никакой логики! – развел руками Афанасий, – просто крыша едет!

Ирина его утешила:

– Да чего тут особенного? Какой-нибудь обычный трюк. Специальная бумага для мошенничества. Кому это принадлежало? Преступникам. Вот они и применяли какую-то технологию для своих делишек. Заключат, к примеру какой-нибудь договор, а потом на листе вместо печатей и подписей вот эта галиматья. Ты что, фокусов никогда не видел?

– А ты что скажешь?

– Всё возможно. Сейчас уйма неучтенных изобретений, каким-нибудь открытием мог воспользоваться кто угодно. Все эти тексты смахивают на злую шутку...

Ольгу перебила Ирина:

– Как бы и деньги не оказались шуткой.

Афанасий вытащил доллары. Купюры были пересмотрены и по всем признакам не походили на фальшивые.

– Возьми двести долларов, обменяй завтра, – попросил он Ольгу.

Это она сделала, доллары были настоящие.

Вечером следующего дня Афанасий вновь занялся бумагами.

Он сидел наверху за столом, курил, когда пепел от сигареты упал на лист. И мгновенно текст исчез, на его месте появился новый, потом исчез и этот, возникли рисунки, потом чертежи и снова текст – все это стремительно, как на экране телемонитора.

Он потер пальцем чуть заметный след от горячего пепла, подул на это место и всё успокоилось, лист был белым. Он отложил его в сторону. Ему пришла в голову мысль поэкспериментировать с другими листьями – испытать их водой, огнем, холодом...

Взгляд его упал на отложенный белый лист, и он вздрогнул. На листе была фраза:

Не делай этого!

Ему стало не по себе, он даже оглянулся по сторонам – так явственно ему показалось, что он не один. И ему как-то сразу расхотелось экспериментировать.

Ночью он ворочался с боку на бок, вставал, зажигал свет, смотрел – не исчезли ли тексты. Они оставались прежними.

«Не делай этого!» – читал он и снова укладывался.

У него крутилась в голове предположение-догадка – будто с этими листьями возможно установить контакт, что есть какой-то ключ ко всей этой игре. Он вспомнил об экспериментах с растениями, которые, как оказалось, имеют некую память о тех, кто за ними ухаживал или кто их ломал. А что, если и эти листья воспроизводят какую-то особую память – отсюда весь этот текстовый хаос и всяческая белиберда.

По-видимому, Афанасий очутился не так далеко от истины. Утром, когда он взялся за контрольный осмотр листов, оказалось, что тексты претерпели изменения. Трудно было точно определить все перемены, так как опять везде была явная галиматья, похожая на мышление матерщинника-энциклопедиста-маразмата в одном лице.

Но на том самом пострадавшем листе Афанасий увидел новую, почему-то потрясшую его своей значимостью фразу:

*Женищина – самое красивое животное,
а мужчина – это шанс.*

Он даже погладил этот лист за такой очаровательный тезис, потом просмотрел другие. В одном месте наткнулся:

«Кто ты, читатель? Нужен ли ты мне? Ты хочешь простых развлечений, заманчивого сюжета, и я мог бы тебе угодить: посмешить тебя или выдавить из тебя скудную слезу. Я столько времени веселил и тешил, не переставая водить тебя вокруг главного вопроса: зачем жить? Я делал это осторожно, со вниманием относясь к твоему хрупкому сознанию. Я верил в тебя, полагая, что мы единое целое и что мои хлопоты о твоём назначении не пропадут даром. Но я глубоко разочарован в тебе и в своих попытках. Я понял, нужно писать так, будто никого нет, кроме самого себя. Нет ни людей, ни издательств, ни денег, ни признания критиков, ни славы, ни почестей. Есть только я, который хочет выразить свои желания на бумаге. Но какие они – мои желания, когда на всем белом свете лишь одно мое многоопытное «я»? Я разочарован в тебе, огромный многоголовый читатель. Со мной остался другой – внимательный, отзывчивый и чуткий – сам Я, помимо развлечений и удовольствий ищущий ответ на вопрос «зачем жить?»»

Далее неожиданно, безо всякого перехода следовало:

***Нужно сходить в магазин, побриться, не забыть купить сигарет
и бодрее, бодрее!!***

«И кому это обращение? Ко мне? – гадал Афанасий, – это и есть контакт?»

Посмотрев другие листы, он нашел вульгарные выражения, подобные тем, что пишутся в общественных туалетах на стенах и какие-то два коротеньких серых рассказа.

«Бумага терпит, – вспомнил он умное изречение, – вот только доколе?»

Вечером после работы приехала Ольга. Они вдвоем сидели под соснами и он делился своими наблюдениями.

– Здорово! – сказала она. – А что, если попробовать тебе самому написать на бумаге?

– Мне как-то это не пришло в голову.

– Попробуй. Кстати, я выяснила про убийства у пруда. Личность одного установили – некто Годик, он же Станислав Первухин, последнее время работал в фирме Елены Сергеевны Кравченко, но она пропала, ее ищут. Еще в деле фигурирует одна крутая личность, авторитет Сергей Дыба. Его группировка контролирует часть «Лужников», и два района в Москве.

– Значит, это были они. Слушай, а в прокуратуре вы все куплены?

Ольга не обиделась.

– В таких делах мы ничего результативного не можем сделать, даже твое свидетельство не поможет. На таком уровне от нас ничего не зависит, куплены не мы, а чиновники в министерствах, в исполнительных структурах.

– Извини, тебе не противно работать в такой продажной системе?

– Почему – противно? Есть масса дел, не связанных с организованной преступностью, закон на этом уровне действует. Нельзя переделать весь мир или засеять всю землю пшеницей, но на своем участке я могу наводить порядок.

– Под преступным присмотром?

– Любая власть так или иначе – противник свободной личности. Ты вот не протестуешь, что есть змеи, крокодилы, болезни, землетрясения. Воспринимай криминальную власть как природное явление, имеющее различные формы и разную степень влияния на граждан. Со временем вчерашние уцелевшие бандиты станут любящими внуков дедушками и начнут переживать за законность.

– Ты хладнокровный философ! Я так не могу, и я протестую, что есть землетрясения, болезни и крысы! И что человеческая жизнь похожа на дикий заповедник! Какого черта нет молочных рек и манны небесной?

– Адресуй это господу Богу, выйди на демонстрацию, вырази ему свое недовольство, – Ольга любила с ним говорить, и его идеалистичный задор как-то безболезненно входил в ее реалистические представления о жизни, как бы орошая сухую землю теплым веселым дождем.

– *«Женщина – самое красивое животное, а мужчина – это шанс»*, – процитировал он.

– Шанс чего?

– Спроси чего-нибудь полегче.

– А вот ты и спроси – напиши, – посоветовала она. – Ну-ка, тихо!

Они сидели на скамейке в пяти метрах у забора, за которым у соседей росла малина.

И оттуда послышались голоса.

– Вчера под утро соседи заехали, – прошептала Ольга.

– Писательский участок?

– Был. Теперь там новые плюские.

– Какие?

– Ну – «русский – нос плюский». Я их так называю.

– Я пойду, пошпионю.

– Только осторожней.

Афанасий подкрался к забору, заглянул в щель и увидел сначала руку, обирающую спелую малину, а потом – очень близко – лицо красивой женщины. Она быстрыми движениями, но как-то машинально затапливала пальцами ягоды в рот, оставаясь при этом задумчивой, будто слушала симфоническую музыку.

Он всегда очаровывался именно таким типом женщин – с задумчивостью. Он уже знал, что это самоуглубленное выражение лица часто оказывается обманчивым, что это даже не маска, а просто плоть бывает талантливее и даровитее того, что в ней содержится. Ведь до чего бывают красивы и величественны хищные птицы, в голове у которых одна цель – найти какую-нибудь падаль. А эти киношные секс-символы, героини-любовники с породистыми головами, с волевыми и благородными выражениями лиц? Но если очень хорошенько прислушаться, то стоя рядом, можно уловить, как словно в пустом кувшине, в их головах тихонько свистит ветер, не имея никаких преград – это вселенское дыхание проносится сквозь пустые головы, не зацепившись ни за одну хотя бы мало-мальски привлекательную мысль с небанальным содержанием.

«Женщина – самое красивое животное»

И ему подумалось, что в этой фразе заключен призыв к спокойному отношению к женщине, без желания унижить, а наоборот – приглашение ценить и любоваться.

Он и полюбовался на незнакомку, вполне зрелую даму – в соломенной шляпе и ярком сарафане.

Ему вспомнилось, как подростком в деревне он собирал со своей ровесницей лесную малину, как целовал эти пахнущие малиной губы и как трепетала каждая клеточка тела от неведомого предвкушения и как не удавалось сломить ее сопротивление, чтобы добиться непонятно чего...

Всё это *подростковое* так на него нахлынуло, и эта женщина показалась ему такой чистой и невинной, как этот же угасающий летний вечер...

Она махнула кому-то рукой и крикнула «Иду!»

А Афанасий так и остался в состоянии влюбленности непонятно к кому – то ли к той девочке-подростку, то ли к этой женщине в соку.

– Там какая-то роскошная дама собирала малину.

– Красивая?

– Да так себе. Но на телеге к ней не подъедешь.

– Афа, – Ольга любила называть его так. – Что-то Ирина нахохленная. Ты бы повнимательнее с ней.

– Да ну! Я с ней обо всем переговорил и предупреждал, что придется жить затворниками. Она согласилась, а теперь ей тоскливо без своей телефонной болтовни. Слава богу, что у тебя здесь нет телефона, а то бы она не выдержала.

И он продолжил, поведав о своих задумках на будущее.

Он планировал, спустя какое-то время, на имя Ольги купить квартиру, детей отдать в частную школу или лучше нанять учителей на дом, жить-поживать, никуда не высовываясь. Пару лет так пройдет и никто искать не будет. Главное, нигде не светиться с документами.

– И тебе куплю новую машину, – закончил он. – Или откажешься от «грязных» денег?

– Честное слово, Афа, я не знаю, как к этим деньгам... в твоём случае...

– Ну, понятно! Я тебе обещаю, что займусь благотворительностью, и ты будешь первым адресатом. Или мне все отдать и самому бегать по Москве без штанов?

– Не заводишь, давай не будем об этом.

Он махнул рукой и ушел в дом. Скоро с верхнего этажа раздался его крик:

– Я же говорил, чтобы ты их не пускала наверх!

Дети заперлись в дальней комнате, боясь его гнева.

– Ты что, не могла проследить?! – кричал он на жену. – Они залили два листа кофе!

– Да я уже их наказала! Я на кухне была. И чего ты орешь, как полоумный? Совсем чокнулся из-за этих дурацких бумаг!

– Ты сама дура! У тебя нет никакого интереса, кроме тряпок и зависти к богатым идиотам! Если бы это были деньги, ты бы проследила!

Ирина тоже завелась и заявила, что соберется и уйдет.

– Ну, правильно, тебе наплевать на детей!

– А тебе что ли не наплевать? Заварил эту кашу, что жизни никакой нет!

– А какая тебе нужна жизнь? Ты бы лучше детей хоть чему-нибудь поучила. Ну как ты хочешь жить? Ты когда последнюю книжку читала? У тебя в голове один мусор и вся эта блажь о красивой жизни! Умрем мы, понимаешь, все умрем! Ни черта с собой не возьмешь!

– А ты что возьмешь? Свое охаивание всех и вся? Что у тебя-то есть?

И Афанасий разом остыл.

– Да пошли вы все! – по инерции ругнулся он и обреченно поднялся наверх.

Следы от кофе уже просохли, листы чуть съжились, и от вида бурых пятен ему стало плохо. Он чуть не заплакал. У него действительно ничего не было. А что он мог? Жизнь – как марафон – нет времени остановиться. Или как прыжок в пропасть – не за что ухватиться. И все, словно беспризорники, не знающие «зачем жить».

Он взял ручку и написал на листе:

«Кто ты? Ответ».

Подождал, но ничего не произошло.

Внизу Ольга успокаивала Ирину, потом поднялась наверх.

– Слушай, нужно купить всем велосипеды, летний бассейн, знаешь, такой надувной, и всяческие летние прибаамбасы. Давай деньги.

Он дал.

– Только насколько времени это ее утешит? – ухмыльнулся он.

Она не ответила.

– Завтра с утра я все куплю.

– Лучше бы ты ей купила надувного Шварценеггера.

– Очень остроумно. А что это лист такой пятнистый?

С листьями, залитыми кофе, произошли изменения. На них появился узор, напоминающий водяные денежные знаки, получилось так, будто листы равномерно распределили коричневый цвет по всей поверхности, создав из него блеклый кружевной орнамент.

– Красиво и ничего страшного. Стоило так беситься.

Он вырвал у нее лист.

– Моя запись пропала!

– А что ты написал?

– Забыл! – хлопнул он себя по лбу. – Одну фразу или две? Какой-то вопрос задавал.

– Вспомнишь. Пойду вниз.

– Да посиди.

– Пойду на улицу с девчонками, а то они там наревелись.

– Вот как с вами общаться? Тут, можно сказать, фантастическое таинственное явление, а ты тоже о какой-то ерунде думаешь!

– А ты о чем думал, когда увидел женщину в малине? – она понимающе усмехнулась и ушла.

В этот вечер с листьями ничего не произошло. Правда, в какой-то момент ему показалось, что на одном листке проявился какой-то портрет, но он не был уверен, что это ему не почудилось из-за узорчатости пятен.

Он то складывал листы в папки, то снова вытаскивал и изучал их, потом догадался их пересчитать. И получилось 665. Вспомнилась библейская цифра 666, считающаяся дьявольским знаком.

Афанасий знал о множестве учений, и в каждом находилось что-нибудь традиционно-предрасудительное – какой-нибудь пустяк, которому придавалось огромное трепетное значение.

Но, к примеру, человечество пережило 666 год безо всяких особых катаклизмов, как любой другой. И почему не 888 или 111, 555. Ляпнет кто-нибудь ерунду, и поколения носят с этой глупостью, полагая, что раз это задержалось в истории, значит, так оно и есть, значит, это важно и незыблемо. Да и кто это выдумал – одно племя из тысяч! А у других племен были свои боги, свои цифры и значения. Одни религиозные представления вытеснили зачатки или основы иных, но ни одна религия не ответила на главный вопрос: «зачем жить?»

Так считал Афанасий. Он полагал, что есть нечто тайное над человеком, и некоторые религии определили это нечто, но всего лишь образно, не имея возможности увидеть это нечто наглядно.

Но, в основном, все религиозные образы сродни беспредельным фантазиям древних – о черепахах, на которых покоится Земля, о крае света, за которым следует пропасть. Более зрелые образы появились, когда человек начал выстраивать представление о мире, исходя из собственного «я», ставя себя в центр мироздания. И теперь каждый волен создать свою собственную религию, а не примыкать к готовенькому. Каждый волен трактовать старые образы и определять новые.

Афанасий был поглощен этими мыслями весь вечер. Давно он столько не размышлял на такие темы. Занятия торговлей убедили его, что нельзя одновременно заниматься бизнесом и поисками смысла и назначения жизни.

И вот теперь он ощущал боль в висках и затылке, будто мозги отходили от наркоза и в них с трудом начинала пульсировать мысль. Порой ему казалось, что определи он сейчас какую-то истину, и мир расколется на части, ибо незачем ему больше будет стоять.

Но он и представить не мог, сколько человеческих судеб было потрачено на решение главного вопроса: **Зачем?**

И только через несколько дней он осознал это.

Эти несколько дней были прожиты весело и активно. Ольга привезла и велосипеды, и бассейн, и качели. Погода стояла жаркая. Детвора не выходила из воды, все загорали, ели овощи и фрукты – лучшего отдыха и не придумаешь.

Глядя на эту идиллию, Афанасий думал, что самое хитроумное искушение – это сама жизнь со всеми удовольствиями – наслаждениями. В этом смысле – самые искусившиеся – это животные, лакомящиеся травой или друг другом и греющиеся на солнышке. Человек же имеет свободу дерзаний.

«*Мужчина – это шанс*», – не забывал он. И до глубокой ночи засиживался над текстами, поздно вставал и снова брался просматривать и изучать листы.

Он перестал делиться своими наблюдениями с Ольгой и Ириной, боясь спугнуть вереницу догадок и предположений.

Он определил, что тексты появляются и исчезают с любой периодичностью: иногда через восемь часов, иногда через два. Возможно какую-то закономерность и можно было бы высчитать, но для этого потребовалось бы уйма времени.

Еще он отметил, что листы делятся на как бы «серьезные» и «несерьезные». Последние содержали поток разнообразнейших бытовых тем или суждений, хозяйственно-политическо-экономическо-житейского порядка с подходящей для этого уровня лексикой. К «несерьезным» можно было отнести и листы жалобные – это были восклицания, вздохи и охи, отрывки переживаний, эмоций и мелких чувств, и листы с шальными рисунками и цифровыми бухгалтерскими вычислениями.

К «серьезным» Афанасий отнес заумные схемы и графики, часто без каких-либо сопутствующих разъяснений, зарисовки местности, тексты, похожие на статьи, обрывки рассуждений о жизни, исторические и художественные тексты и мысли как бы льющиеся потоком.

Правда, получилось так, что со временем часть «серьезных» листов перекочевала в стопку «несерьезных» и наоборот. Вообще-то весь этот океан являющейся и исчезающей информации напоминал Афанасию всемирную компьютерную связь, непонятно к чему подключенную и как действующую.

У него была мысль, что листы заряжены многослойной текстовой информацией и просто периодически выдают все, что в них заложено. Они не очень-то походили на обычную или даже сверхкачественную бумагу, но по всем признакам были бумажными и обычными.

А на третью ночь он понял, что имеет дело не с замкнутой на определенной программе системе.

Во-первых, он вычислил один лист, на котором периодически появлялись два слова «память» и «желание», и больше ничего.

Затем был лист, где постоянно проходила вереница имен и фамилий, все время новых и новых. Иных текстов на этих листах не появлялось.

Был еще лист, всегда остающийся чистым.

Но самое неожиданное выдавали листы, залитые кофе, среди которых был и обожженный горячим пеплом. Они воспроизводили единый текст, логически связанный, даже с переносами. В то время, как на других листах текст мог начинаться и обрываться на полуслове и больше нигде не продолжался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.